

Шестов Лев Исаакович

Достоевский и Ницше

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84
Л34

Л34 **Лев Исаакович Ш.**
Достоевский и Ницше / Шестов Лев Исаакович – М.: Книга по Требованию,
2025. – 247 с.

ISBN 978-5-521-31085-2

ISBN 978-5-521-31085-2

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2025

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2025

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

лическую инквизицію. До этихъ героевъ меча и ко-
стровъ намъ нѣтъ дѣла—что общаго у нихъ съ фи-
лософіей? Нѣтъ, здѣсь рѣчь идетъ о герояхъ духа,
о проповѣдникахъ добра, истины и всего прекраснаго
и высокаго, о провозвѣстникахъ идеаловъ, людяхъ,
до сихъ поръ считавшихся исключительно призван-
ными къ борьбѣ со всѣми злобными, «дурными» про-
явленіями человѣческой природы. Именъ я называть не
буду, и у меня есть на то свои очень важныя осно-
ванія. Ибо если уже говорить, то пришлось бы ска-
зать многое такое, о чемъ до времени не мѣшаетъ
и помолчать. Но вѣдь и не въ именахъ дѣло, а въ
величайшемъ событіи, происшедшемъ въ моральной
жизни народовъ—развившемся незамѣтно, исподволь,
какъ будто безъ всякихъ усилій со стороны отдѣль-
ныхъ личностей—въ рожденіи идеализма.

Идеализмъ существуетъ уже давно, болѣе двухъ
тысячелѣтій, но до новѣйшаго времени роль его была
относительно незначительной. Даже у самого Пла-
тона, совершенно справедливо считающагося, съ фор-
мальной стороны, отцомъ и родоначальникомъ этого
высокаго ученія, вы не разъ наблюдаете странную
непоследовательность въ мысляхъ и аргументаціи,
объясняемую единственно лишь тѣмъ, что онъ былъ
еще далекъ отъ той «чистоты» идеалистическаго воз-
зрѣнія, до котораго доросло наше время. Въ его
разсужденіяхъ еще такъ явственны слѣды антропо-
морфическаго пониманія божества, что даже совре-
менный студентъ, чуть-чуть лишь посвященный въ
глубины нашей науки, не разъ улыбнется въ сознаніи
своего превосходства при чтеніи его діалоговъ. Пла-
тонъ съ нашей точки зрѣнія еще варваръ, онъ еще

не знаетъ ничего о нашихъ объединяющихъ принципахъ: вѣдь даже Аристотель отдѣлялъ небо отъ земли. Нѣтъ, настоящій, чистый идеализмъ есть продуктъ послѣднихъ двухъ вѣковъ. Онъ явился одновременно съ упрочившейся въ наукѣ тенденціей къ «монистическому» міропониманію.

Современный умъ не выноситъ философіи, предлагающей ему нѣсколько основныхъ принциповъ. Онъ стремится во что бы то ни стало къ монизму—къ объединяющему, какъ у насъ говорятъ, вѣрнѣе—къ единому началу. Онъ даже съ трудомъ уже выносить дуализмъ: нести на себѣ два принципа уже ему кажется слишкомъ большимъ бременемъ. И онъ всячески ищетъ себѣ облегченія. онъ готовъ даже въ случаѣ нужды принять на вѣру какую-нибудь тонкую нелѣпость, лишь бы не считаться со сложностью. Духъ и матерія—это такъ много: не лучше ли что-нибудь одно—либо духъ, либо матерія? Или, въ крайнемъ случаѣ, не лучше ли всего признать, что духъ и матерія суть разныя стороны одной и той же сущности? Правда, никто до сихъ поръ не понималъ, какимъ образомъ духъ и матерія могутъ быть «разными сторонами», но въ философіи, особенно новѣйшей, это далеко не единственное объясненіе, котораго никто никогда не понималъ. Даже болѣе того: такими объясненіями, если только они ловко и своевременно прилаживались, она крѣпче всего и держалась. Главное, чтобъ не было лишнихъ принциповъ!..

Въ этомъ смыслѣ наиболѣе всего, конечно, удовлетворяла пантеистическая точка зрѣнія, соответственнымъ образомъ поддержанная и объясненная,

и ея популярная форма—матеріализмъ, обходящійся, какъ извѣстно, минимумомъ иностранныхъ словъ и отвлеченныхъ понятій. Но иностранныя слова и отвлеченныя понятія пугаютъ только непривычную къ дѣлу большую публику; въ философскихъ же сферахъ они, наоборотъ, пользуются полнымъ довѣріемъ и даже имѣютъ большую притягательную силу. Посвященные люди знаютъ, что съ этими трудностями легко освоиться. Лишній терминъ, новое понятіе, какъ бы они ни были построены, въ концѣ концовъ, не только ничему не мѣшаютъ, но даже въ извѣстныхъ случаяхъ даютъ выходъ изъ затруднительнаго положенія. Они же и подбираются не случайно, а систематически, съ извѣстными, строго опредѣленными цѣлями. Мѣшать можетъ только «принципъ», вводящій за собой въ философскую область множество новыхъ, не приспособившихся къ системѣ и дерзко требующихъ къ себѣ вниманія явленій. Вотъ тутъ-то философу и необходима вся сила убѣжденія, чтобы закрыть входъ назойливому припѣльцу. Вотъ тутъ-то и нужна вся высота и непроницаемость идеалистическихъ стѣнъ, надежно ограждающихъ науку отъ жизни. Философія хочетъ быть во что бы то ни стало «наукой», такой же наукой, какъ математика, и если этого нельзя достигнуть никакимъ инымъ путемъ, то во всякомъ случаѣ выручить теорія познанія. Она докажетъ, что не обо всемъ можно спрашивать философію, что ее даже и спрашивать совсѣмъ нельзя, а только можно слушать, что она говорить. На этихъ условіяхъ, только на этихъ условіяхъ она соглашается раскрывать свои тайны жаждущимъ истины, и такъ какъ до сихъ

поръ неоткуда было черпать истину, то къ философіи шли, ее слушали и вспоминали ея ученія, если не въ тѣхъ случаяхъ, когда приходилось рѣшать какой-нибудь трудный жизненный вопросъ, то по крайней мѣрѣ въ тѣхъ случаяхъ, когда нужно было «учить» другихъ.

Жестоко однако ошибется тотъ, кто захочетъ увидѣть въ задачахъ, поставляемыхъ себѣ теоріей познанія, только одни теоретическія притязанія. Если бы дѣло обстояло такъ, то, по всей вѣроятности, современное міровоззрѣніе и не имѣло бы такого распространенія съ одной стороны—да и не встрѣчало бы столько вражды. Нитше утверждаетъ, что всякая философія есть своего рода мемуары и невольныя признанія философа. Я думаю, что этимъ еще не все сказано. Въ философской системѣ, кромѣ исповѣди, вы въ послѣднемъ счетѣ непременно найдете еще нѣчто, несравненно болѣе важное и значительное: самооправданіе ея автора, а вмѣстѣ съ нимъ и обвиненіе, обвиненіе всѣхъ тѣхъ, которые своей жизнью такъ или иначе возбуждаютъ сомнѣнія въ безусловной справедливости данной системы и высокихъ нравственныхъ качествахъ ея творца. Безкорыстное искаженіе истины, которымъ когда-то такъ любили похваляться люди—мы въ него уже не вѣримъ, и не можемъ вѣрить. Да и какъ въ него вѣрить, когда для всѣхъ теперь очевидно, что мы собственно не знаемъ, чего мы хотимъ, когда говоримъ, что хотимъ истины. Можетъ быть желать истины—значить желать покоя, можетъ быть это значитъ желать новаго стимула для борьбы, а можетъ быть это значитъ желать найти какую-нибудь особенно оригинальную,

никому еще въ голову не приходившую «точку зрѣнія». Все можетъ быть! Но если, съ формальной стороны, всякая система стремится положить конецъ безконечнымъ «почему», такъ ловко изобрѣтаемымъ нашимъ во всѣхъ прочихъ отношеніяхъ столь мало изобрѣтательнымъ умомъ, то съ внутренней стороны, по своему содержанію, всякая философія, повторяю, непремѣнно и безусловно преслѣдовала цѣли самооправданія, хотя бы она себѣ въ этомъ и не давала отчета. И идеализму эта цѣль была всегда присуща. Онъ ставилъ людямъ задачи и возносилъ тѣхъ, которые соглашались принимать на себя эти задачи; тѣхъ же, которые отъ нихъ отказывались, онъ предавалъ проклятію и позору, никогда не имѣя ни терпѣнія, ни охоты справляться о причинахъ, въ силу которыхъ его ученіе въ извѣстныхъ случаяхъ (и такъ часто!) отвергалось. У него заранѣе было готово объясненіе для всѣхъ случаевъ своей неудачи; тамъ, гдѣ его не принимали, онъ утверждалъ, что наталкивался на безуміе или злую волю. Онъ обзавелся категорическимъ императивомъ, дававшимъ ему право считать себя самодержавнымъ монархомъ и законно видѣть во всѣхъ, отказывавшихъ ему въ повиновеніи, непокорныхъ бунтовщиковъ, заслуживающихъ пытки и казни. И какую утонченную жестокость проявлялъ категорическій императивъ каждый разъ, когда нарушались его требованія! Тѣмъ, у которыхъ плохое воображеніе и малый опытъ въ этихъ дѣлахъ, я рекомендую перечестъ Шекспировскаго «Макбета». Онъ пояснить довѣрчивымъ людямъ, чего добивался идеализмъ и, главное, какими средствами! Можетъ быть человѣческая душа и точно слишкомъ упорный мате-

ріалъ; можетъ быть нужно было на ряду съ прочими «бичами» ниспослать бѣднымъ смертнымъ и идеализмъ. Но вѣдь это все однѣ оптимистическія догадки, а съ точки зрѣнія гуманнаго и строго научнаго современнаго ума—даже и не догадки, а чистѣйшая, незаслуживающая никакого довѣрія миеологія. Кто серьезно признаетъ, что бичи бичуютъ не въ силу механическихъ законовъ, а ради какихъ-либо высшихъ цѣлей? А если такъ, то нечему удивляться, что среди испытанныхъ на себѣ ихъ воспитательные приемы людей не всѣ соглашались цѣловать карающую руку...

2.

У насъ, да и не только у насъ, а и въ Европѣ (теперь вѣдь уровень идей во всѣхъ странахъ одинъ и тотъ же, какъ уровень воды въ сообщающихся сосудахъ) давно уже художественное творчество принято считать безсознательнымъ душевнымъ процессомъ. Повидимому, этими взглядами была вызвана къ жизни такъ называемая литературная критика. Художники недостаточно сознательно дѣлаютъ свое дѣло, нужно, чтобъ кто-нибудь ихъ провѣрилъ, объяснилъ, въ сущности—дополнилъ. Литературные критики сами приблизительно такъ понимали свою роль и изъ силъ выбивались, чтобъ связать какъ-нибудь свое сознательное мышленіе съ безсознательнымъ творчествомъ подлежащихъ ихъ обсужденію художественныхъ произведеній. Иногда эта задача оказывалась гораздо болѣе трудной, чѣмъ можно было ожидать. Художественное произведеніе не вязалось ни съ одной изъ тѣхъ всѣми признанныхъ идей, безъ которыхъ рѣшительно

немыслимо никакое «сознательное» отношеніе къ жизни. Въ тѣхъ случаяхъ, когда приходилось имѣть дѣло съ художникомъ второстепеннымъ или даже бездарнымъ,—критики не задумывались. Отсутствіе идеи ставилось на счетъ недостаточности таланта, даже болѣе того—приводилось какъ причина недостаточнаго дарованія, и такимъ образомъ какъ будто бы подтверждалась «вѣчная» истина, что поэты, сами того не подозревая, должны преслѣдовать тѣ же цѣли, которыя имѣютъ и критики, если только хотятъ, чтобъ ихъ трудъ не пропадалъ безплодно. Въ концѣ концовъ получалось, что поэтическое бессознательное творчество все же служить и должно служить тому же, чему служить и сознательное творчество критиковъ—и опасный моментъ проходилъ благополучно.

Но бывало и такъ, что критику попадалось въ руки произведеніе значительнаго художника, звѣзды первой величины. Критикъ заранѣе расположенъ къ автору и готовъ предъявить къ нему самыя снисходительныя требованія. Онъ проститъ ему отсутствіе политическаго идеала—хотя бы ему очень хотѣлось найти именно у этого художника поддержку своей партіи. Онъ проститъ ему, скрѣпя сердце, и равнодушіе къ общественнымъ задачамъ, служенію которымъ, по его мнѣнію, должны быть посвящены всѣ силы страны. Но онъ убѣжденъ, что найдетъ въ новомъ произведеніи по крайней мѣрѣ невольно (бессознательно) высказанныя симпатіи къ вѣковѣчнымъ нравственнымъ идеаламъ. По крайней мѣрѣ это, хотя бы только это. Пусть поэтъ воспѣваетъ добро, истину и красоту—если это у него будетъ, критика позаботится обо всемъ остальномъ. Но если и того не

будеть? Если художникъ забудеть о красотѣ, посмѣется надъ истиной и пренебрежетъ добромъ? Мнѣ скажутъ, что этого не бываетъ. Но я предложу изъ области отвлеченныхъ разговоровъ перейти на частный примѣръ. Одинъ, конечно, примѣръ. Предисловіе—слишкомъ узкія рамки для того, чтобы вмѣстить въ себѣ значительный литературный матеріалъ. Но надѣюсь, что этотъ примѣръ напомнитъ тѣмъ, которые перестали бояться вспоминать, и многіе другіе въ томъ же родѣ.

Я говорю о «Герое нашего времени» Лермонтова. Какъ извѣстно, Бѣлинскій написалъ объ этомъ романѣ большую, очень страстную и горячую статью, доказывавшую, что Печоринъ оттого пустился на свои злодѣйскія дѣла, что не находилъ въ Россіи начала прошлаго вѣка настоящаго приложенія своимъ громаднымъ силамъ. Я не помню сейчасъ точно, написана ли эта статья по поводу перваго или втораго изданія «Героя нашего времени», но, такъ или иначе, самъ Лермонтовъ тоже счелъ необходимымъ дать объясненіе своему роману, что и сдѣлалъ въ предисловіи ко второму изданію его. Предисловіе короткое—меньше двухъ страницъ. Но оно несомнѣнно свидѣтельствуетъ объ одномъ обстоятельстве: Лермонтовъ, когда хотѣлъ, умѣлъ удивительно «сознательно» относиться къ своимъ произведеніямъ и проводить «идеи» не хуже любого критика. Въ своемъ предисловіи онъ прямо заявляетъ, что, вопреки распространившимся толкамъ, въ Печоринѣ авторъ вовсе не изображалъ и ~~не~~ хотѣлъ изображать ни себя самого и даже ни героя вообще, а имѣлъ лишь цѣлью представить «пороки» нашего времени. Зачѣмъ?—спросите вы. И на это есть

отвѣтъ. Обществу необходимо прежде всего понять себя, дать себѣ отчетъ въ своихъ недостаткахъ. «Будетъ уже и того, кончаетъ онъ свое объясненіе, что болѣзнь указана, а какъ ее излѣчить — уже Богъ знаетъ». Какъ видите, Лермонтовъ въ предисловіи почти сходится съ Бѣлинскимъ. Печоринъ — болѣзнь и ужасная болѣзнь общества. Только въ его объясненіи нѣтъ горячности и страсти, да обнаруживается одно странное обстоятельство: болѣзнь общества его крайне интересуетъ, до лѣченія же ему почти нѣтъ, а то и прямо нѣтъ никакого дѣла...

Отчего же у человѣка, такъ умѣвшаго открыть и описать болѣзнь, нѣтъ никакого желанія лѣчить ее? И, вообще, отчего предисловіе такъ спокойно, хотя и сильно написано?

Отвѣтъ на этотъ вопросъ вы найдете въ романѣ: тамъ съ первыхъ же страницъ вы убѣдитесь, что если Печоринъ и болѣзнь, то это одна изъ тѣхъ болѣзней, которыя автору дороже всякаго здоровья. Печоринъ — больной, но кто же здоровый? Штабсъ-капитанъ Максимъ Максимычъ, Грушницкій съ его пріятелями или, наконецъ, если брать въ расчетъ женщинъ, милая княжна Мери или дикарка Белла? Поставьте только такой вопросъ и вы сразу поймете, зачѣмъ написанъ «Герой нашего времени», а также для чего было потомъ сочинено предисловіе. Печоринъ изображенъ въ романѣ побѣдителемъ. Предъ нимъ всѣ, рѣшительно всѣ остальные дѣйствующія лица уничтожаются. Нѣтъ даже, какъ въ пушкинскомъ «Онѣгинѣ», Татьяны, которая хотя бы разъ за все время напомнила герою, что на свѣтѣ существуетъ нѣчто болѣе священное, нежели его, Печорина, воля,

что есть долгъ, идея или что-нибудь въ такомъ родѣ. На пути своемъ Печоринъ встрѣчаетъ силу и хитрость, но и ту, и другую побѣждаетъ умомъ и непреклонностью своего характера. Попробуйте судить Печорина; у него нѣтъ никакихъ недостатковъ, кромѣ одного — жестокости. Онъ смѣлъ, благороденъ, уменъ, глубокъ, образованъ, красивъ, даже богатъ (и это — достоинство!), а что касается жестокости, то онъ, хотя и знаетъ за собою этотъ порокъ и говоритъ о немъ часто, но увы! — когда столь высоко одаренный человѣкъ и проявляетъ какой-нибудь недостатокъ, этотъ недостатокъ ему къ лицу, болѣе того — начинается самъ по себѣ казаться качествомъ, и прекраснымъ качествомъ. Самъ Печоринъ по поводу своей жестокости сравниваетъ себя съ рокомъ! Да и что съ того, если куча разной мелюзги становится жертвой великаго человѣка?!. «Главное, чтобы болѣзнь была указана, а какъ лѣчить ее — Богъ знаетъ». Эта маленькая ложь, заключающая собою короткое предисловіе къ длинному роману, чрезвычайно характерна. Вы ее не у одного Лермонтова найдете. Почти у всякаго большого поэта, не исключая и Пушкина, отъ времени до времени, когда описаніе «болѣзни» становится слишкомъ соблазнительнымъ, она наскоро, между дѣломъ выбрасывается читателю, какъ дань, отъ которой не свободны и привилегированныѣйшіе умы. И у Пушкина тоже: вспомните его самозванцевъ, сказку Пугачева объ орлѣ и воронѣ и отвѣтъ Гринева. Тамъ, гдѣ критики отмѣчаютъ болѣзнь, «безсознательное» творчество тоже видитъ своего рода ненормальность, нѣчто такое, что имѣетъ свои страшныя и загадочныя стороны. Но критика ничего, кромѣ болѣзни, не